

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ИРИНЫ МЕЛЬНИКОВОЙ –
ПРЕКРАСНЫЕ ИСТОРИИ О ВЕРЕ, НАДЕЖДЕ
И ЛЮБВИ:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой
Грех во спасение
Александра – наказание Господне
Невеста по наследству
Фамильный оберег. Закат цвета фламинго
Фамильный оберег. Отражение звезды
Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!
Ржавый Рыцарь и Пистолетов
Дикая Лиза
Нянька для олигарха
Мой ласковый и нежный мент
Колечко с бирюзой
Несконченный романс
Роман с Джульеттой
Горячий ключ
Формула одиночества
Стихийное бедствие
От ненависти до любви
Небо на двоих

**В соавторстве
с Георгием Ланским:**

Ключи Пандоры
Лик Сатаны
Ярость валькирии

**Сериал
«Агент сысшной полиции»:**

Агент сысшной полиции
Талисман Белой Волчицы
Финита ля комедия
Сибирская амазонка
Бесы Черного Городища

ИРИНА
МЕЛЬНИКОВА

МОЙ ЛАСКОВЫЙ
И НЕЖНЫЙ
МЕНТ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Оформление серии *С. Курбатова*

Фото на обложке:
Iancu Cristian/ Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Мельникова, Ирина Александровна.
М48   **Мой ласковый и нежный мент : [роман] /**
Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2018. —
416 с. — (Любовь. Интрига. Тайна).

ISBN 978-5-04-098512-8

Эта девушка удивляла его все больше и больше. Не каждый мужик сможет выступить против двух вооруженных бандитов, тем более в тайге, где замести следы ничего не стоит. Людмила же решила... Браконьерам удалось скрыться, а вот ей выход из ущелья преградил занос. Новый сход лавины едва не накрыл подполковника милиции Дениса Барсукова, снувшего на дороге в своем «уазике», Людмила чудом успела вытащить его из машины. Эти мужчина и женщина, едва познакомившись, прониклись стойкой взаимной неприязнью. И вот теперь им придется провести ночь у костра в тесной пещерке, в опасной близости друг от друга...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098512-8

© Мельникова И., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Все происходящее в романе — полностью плод авторской фантазии, и потому совпадения с реальными событиями и людьми абсолютно случайны.

К северу от Саянской горной страны разлеглись на три стороны света, протянулись на десятки километров серые от дождей и промозглых ветров похолодевшие степи. Там все еще спокойно текут не скованные ледяным панцирем реки, а вершины гор за Вознесенском уже посеребрила зима.

Поредел опавший лес, открылись дальние дали, горы сделались пустынными, нерасчетливо открытыми для ветров и морозов. Только пихтовые и кедровые леса стоят по-прежнему сурово и строго, истинный бастион на пути вездесущих метелей и пронизывающего насквозь ветра. Снег припорошил сверху черно-зеленые конусы пихт и заливчато заломленные шапки великанов-кедров, улегся на ветках, но вниз не просыпался, лишь завалил опушки леса и сделал непроходимыми подступы к нему. В самой тайге стало темней, там по-прежнему лежала сухая хвоя, а в ней все еще шуршала и попискивала мелкая лесная живность.

Уже спустились с гор осторожные маралухи с подростками оленятами, но на утренней заре они вновь уходили наверх, стараясь как можно ловчее укрыться от рыси, медведя и волка, и иногда захаживающего сюда с Алтая красавца снежного барса — ирбиса, — своих опасных соседей и врагов. Вместе с ними, держась особняком, совершали

путешествие сверху вниз и обратно пугливые косули, изящные и быстроногие, получившие в наследство от предков по-девичьи смиренный характер.

Застигнутые в горах обильным снегопадом или пургой маралы и косули ложились под защиту скал, густых кустов или в пихтарнике и долгими часами дремали, поджав ноги и полузакрыв крупные блестящие глаза. Только длинные чуткие уши их ни на минуту не переставали поворачиваться туда-сюда, прослушивая воздух и землю. Влажный черный нос ловил запахи леса и подрагивал, учуяв непонятное. Переждав ненастье, животные выбирались из своих укрытий и отправлялись по глубокому снегу в давно известном им направлении, высоко и грациозно поднимая ноги, или прыгали, обрушивая и приминая сугробы всей тяжестью тела.

Они знали, что человек не оставит их в беде. То в одном, то в другом ложке или на поляне поднимались стожки сена, лежали в кормушках березовые и ивовые веники, белела под навесами соль. И звери принимали людскую заботу как должное, как выплату процентов по тому долгосрочному кредиту, который те позаимствовали у природы, почти истребив в Саянах когда-то огромные стада маралов, козусь, гордых козорогов и диких северных оленей — сокжоев...

А день между тем тихо разгорался. Солнце хотя и поднялось над горизонтом, но спряталось за длинное белое облако, окрасив его в веселый розовый цвет...

Девушка еще затемно вышла из дома и уже несколько часов шла по тайге на лыжах, устала безмерно, но первый привал сделала, лишь пройдя самый сложный участок пути — огромные нагромождения камней на опушке пихтового леса. В двух километрах отсюда располагалась небольшая поляна, где на днях она с помощью своих учеников установила небольшой стожок для козусь и развесила на специальные вешала заготовленные с лета березовые веники. Вчера весь день шел обильный снег, и косули, а возможно, и ланки с оленятами должны прийти к кормушкам... Она посмотрела на часы, позволив себе еще пять ми-

нут отдыха. На душе ее было тихо и спокойно, как тих и спокоен был окружавший ее лес, застывшие в седоватой дымке горы за ее спиной и девственно чистые снега, тронутые редким звериным или птичьим следом...

Внезапно справа от нее хрустнула ветка, и на поляну красивым прыжком выскочил матерый марал. Девушка подавила в себе вздох восхищения: таких великолепных рогов, такой гордой осанки и благородной головы с ярко блестящими глазами она еще ни разу не видела. Олень находился в великолепной бойцовой форме, которую не остудили ни первые холода, ни ледяные метели.

Красавец фыркнул и, раззадоривая себя, ударил копытом, взбив невысокие снежные фонтанчики. Прислушался. И вдруг, закинув рога на спину и вытянув шею, смешно оттопырил губы, и дерзкое и вместе с тем тоскливое «бээ-уэ-эа-а!..» разнеслось далеко-далеко по горам — первобытный и дикий клич, будоражащий кровь, заставляющий учащенно биться сердце, древний как мир любовный призыв и одновременно вызов сопернику.

Марал снова прислушался, фыркнул и тут заметил наконец странную, неподвижную тень. Но не испугался, только скосил глаза и, грациозно переступая ногами, немного приблизился к ней. Может, он принял застывшую фигуру за противника, который никак не соберется с силами, чтобы ответить на честный вызов? Если это так, то держись, слабак!.. Олень стал обходить загадочное существо по кругу, а чтобы у того не осталось никаких сомнений насчет его истинных намерений, изредка опускал голову и поддавал снег рогами, так что тот летел во все стороны, а вместе с ним обломки веток и не успевшие опасть листья кашкары и карликовой березки. В довершение всего он то и дело принимался рыть снег копытом, а сам все шел и шел по кругу, пока налетевший ветер не кинул на него страшный запах человека и железа.

Секунда — нет, четверть секунды! — гигантский прыжок через кусты, скошенные в сторону смертельно испуганные глаза, треск ломающихся под тяжелым телом ве-

ток, грохот осыпающихся камней — и все стихло, исчезло, как видение...

Девушка печально усмехнулась. Вот как боится марал одного только запаха человеческого. Даже здесь, в заповеднике... Сколько все-таки зла принесли люди несчетным поколениям этих красивейших животных, если боязнь стала уже выверенным, запечатленным инстинктом!..

Она встала на лыжи, закинула карабин за спину и опять пошла-побежала по лесу, отмеряя последние сотни метров до кормушек. А вслед ей, отражаясь от скал и мрачной стены пихтарника, несло торжественно-величавое «бээ-уэ-а-а-а... бэу-уээ-уа-а-а!..» измученного страстью марала. Он продолжал звать ланку. Он звал на бой соперников...

ГЛАВА 1

Подполковник милиции Денис Барсуков сидел, вытянув длинные ноги под столом, и усердно пытался изобразить на лице неподдельный интерес к пространным выступлениям многочисленных руководителей районного масштаба. Речь шла о подготовке хозяйств к зиме. Начальники разных рангов и уровней потрепаться любили и в тему, и особенно не по теме, поэтому вырваться раньше обеденного перерыва не получится. Барсуков посмотрел украдкой на часы, потом измерил на глазок количество желающих выступить и еще больше уверился в том, что обед — единственная возможность улизнуть с совещания и заняться своими непосредственными делами, количество которых, несмотря на ненормированный рабочий день, росло в геометрической прогрессии.

Определив лазейку, требовалось придумать причину, по которой ему надлежало смыться. И убедительно объяснить потом главе районной администрации Кубышкину Евгению Александровичу, что исчезновение начальника райотдела милиции подполковника Барсукова связано с выполнением какого-то очень важного задания, а отнюдь не по причине игнорирования им вопросов обеспечения крупнорогатого скота кормами, а сельчан — дровами и углем.

В кабинете было жарко, от сидевшего рядом редактора районной газеты Федюнина несло застарелым перегаром

пшеничного самогона, который он тщетно пытался зажевать очередной горстью «Дирола». Но импортные ароматы оказались бессильны перед запахом сивухи. И хотя Федюнин старался дышать в сторону, потел и вздыхал он столь выразительно, что даже без сопоставления оперативных данных на основе только косвенных улик было ясно и понятно, кто еще, помимо подполковника Барсукова, лелеет тайную мечту исчезнуть со столь судьбоносного для района совещания.

Барсуков вновь взглянул на часы. До перерыва оставалось сорок минут, плюс как минимум еще пять минут уйдут на стягивание с трибуны очередного выступающего, не желающего считаться с достаточно громким и выразительным урчанием в желудках голодных коллег. Выходит, без малого час ему придется терпеть похмельные запахи справа и созерцать сытую физиономию своего визави — Игоря Ярославовича Надымова, бывшего председателя райпотребсоюза, а ныне удачливого предпринимателя, успевшего вовремя прибрать к рукам все торговые точки района. Надымов изредка ласково поглядывал на подполковника, а во время короткого перерыва вышел вслед за ним на крыльцо здания администрации подышать свежим воздухом и выкурить длинную заморскую сигаретку. Очень ему хотелось затеять разговор, вроде ни к чему не обязывающий, но способный помочь быстрому сближению. Совсем легкий разговор. Так себе, ни о чем. На затравку — совершенно невинная охотничья байка. Следом — безобидный анекдот. За ним — вздох по поводу скверной погоды и не менее скверных дорог. Мечтательное: «В баньку бы сейчас! А потом бы водочки холоденькой да под пельмени!» — и взгляд в сторону неулыбчивого начальника РОВД. Как реагирует? Понимает ли намек на возможность грядущих удовольствий в компании милого и приветливого Игоря Ярославовича?

Но подполковник на крыльце не задержался, а прямым ходом направился к желто-голубым «Жигулям», переговорил по рации с дежурным, дескать, все спокойно, начальство пока не тревожит, криминальная обстановка на де-

сять утра существенных изменений не претерпела, правда, раскрыто по горячим следам утреннее преступление: кража козы Риголетты с подворья пенсионерки Симбирцевой.

Риголетту, известную своим вздорным нравом и противным голосом, по тембру напоминавшим голос самой Симбирцевой, видно, только в силу никудышного своего состояния — хронического похмельного синдрома — осмелился умыкнуть совсем разобидевшийся на постылую жизнь бывший кочегар районной котельной Васька Матвейчук. Более известный по кличке Пырей Ползучий, Васька был вечным обитателем изолятора временного содержания, местной свалки и огромной лужи аккурат под окнами главы администрации, которую светлые очи Евгения Александровича по какой-то причине не желали замечать все девять месяцев со дня его вступления в столь ответственную должность.

Риголетта, оказавшись вне привычных условий, и тем более привычного окружения, не стерпела подобного надругательства над собственной персоной. И сперва хорошенько поддала рогами под хлипкие коленки Пырея, а когда тот свалился на землю, весьма профессионально отдубасила его все теми же рогами и копытами. И при этом голосила так, что разбудила спящего мертвецким сном после празднования серебряной свадьбы участкового инспектора капитана Полосухина, который и взял с поличным и вора, и разбушевавшуюся не в меру козу. Отвесив обоим по крепкому милицейскому пинку, хмурый участковый сволок и козу, и протрезвевшего Матвейчука на подворье Симбирцевой, где похититель опять чуть было не схлопотал приличную оплеуху. Руку возмездия с зажатой в ней скалкой вовремя успел отвести от опухшей рожи Пырея сам Полосухин. Затем участковый весьма оперативно взял у разгневанной хозяйки заявление о краже, после этого записал показания очевидцев схватки козы с похитителем, скоренько оформил протоколом задержание и препроводил в ИВС злостного тунеядца, жулика и проходимца Пырея, тьфу! Как его? Матвейчука Василия Петровича. Тем

самым повысив районный процент раскрываемости преступлений на одну десятую процента.

Перерыв закончился, и Игорь Ярославович, взгрустнув о чем-то своем, вероятно, светлом, но несостоявшемся, вернулся на прежнее, хорошо насиженное место. Следом появился подполковник с мелкими капельками воды от растаявшего снега на погонах, не слишком дружелюбно оглядел собравшихся и устроился рядом с еще более поскучневшим и осунувшимся от непомерного употребления «Дирола» Федюниным.

За окном продолжали тихо кружиться крупные, похожие на гусиный пух снежинки. Они ложились на окружающие село рыжие сопки, на продрогшую землю, на серый, в цвет низкого неба асфальт, на плечи и головы редких прохожих, на крыши торговых киосков и автомобилей, скопившихся на стоянке перед зданием районной администрации, известного в народе больше как «Кактус». А прозвали его так, видно, в силу явной тропической внешности, которую придавала ему сооружению в самом центре села зеленая импортная краска. Призванная олицетворять свежие, как молодая листва, идеи и помыслы новой метлы района, это халтурное исчадие капиталистической промышленности в первый же месяц после ремонта пошло пузырями, покрылась сеточкой трещин, а в некоторых местах откровенно облезло, породив тем самым частушку, которую не преминула спеть на празднике урожая злобедная директриса районного очага культуры Антонина Веденева:

Как в родном моем селе
Кактус вырос по весне.
Цветом он зелененький,
Словно доллар новенький.
Но осенний ветер дунул,
Кактус тут же захирел,
Весь морщинами покрылся,
Как коленка облысел...

Денис Барсуков вздохнул. Завтра на восемнадцать ноль-ноль у него назначена встреча с этой самой Веденеевой, которая командует единственной в республике народной дружиной и, как ни странно, весьма успешно со своим поручением справляется. Правда, за месяц пребывания в должности начальника РОВДа ему пришлось столкнуться с таким количеством нелепостей и несуразиц, что он почти не удивился, когда узнал, что во главе добровольных рателей за мир и спокойствие в селе стоит молодая дама. И как отозвался о ней начальник милиции общественной безопасности Коля Кондратьев, особа довольно привлекательная, но настырная, упрямая и способная своими выходками довести до точки плавления даже бюст Петра Великого, установленный на месте памятника вождю мирового пролетариата. Засиженного голубями Ильича по настоянию все той же Тоньки снесли на усадьбу местного коммуниста Золотухина как раз на следующий день после прибытия Дениса Барсукова к месту своей новой службы.

Подполковник с головой погрузился в служебные дела, встревать в партийные баталии не собирался, поэтому известие о рокировке памятников пропустил мимо ушей, вызвав тем самым недовольство уборщицы тети Клавы, каждый вечер исправно разгоняющей пыль по углам его длинного и не очень уютного кабинета.

— Это что ж за безобразие получается, товарищ подполковник, сплошное самоуправство, а не демократия! — Тетя Клава деловито подоткнула подол, встала на колени и заглянула под тумбочку с телевизором, а потом повернула голову и снизу вверх осуждающе посмотрела на Барсукова. — Кто ж теперь, Денис Максимович, на эту площадь придет, чтоб свое недовольство выразить Евгению Саньчу? Раньше Ильич так прямо ладошкой на его окна и показывал, дескать, вон он, вражина, возьми и врежь ему по сопатке, чтобы безобразия не творил, а теперь что? Стоит эта голова с рачьими глазами да кошачьими усами, да так и пялится, так и пялится на тебя! Не по себе даже становится.

— Петр Алексеевич большим умельцем по разборкам с

недовольными был. — Денис серьезно посмотрел на уборщицу, топтавшую ногой крупных рыжих тараканов, брызнувших из-под тумбочки в разные стороны. — Всех противников как тараканов давил, потому, вероятно, и в реформах преуспел.

— Реформы! — сплонула тетя Клава прямо на казенных ею тараканов. — Сказала бы я пару ласковых про те реформы, так вы ж меня сей момент на пятнадцать суток отправите, улицы мести, а сами пылью по уши зарастете. Знаю я вас, мужиков, цветок и тот сроду не польете за субботу и воскресенье, только про энти реформы и горазды болтать! А земля в горшке — что твой камень. — Уборщица деловито потыкала пальцем в цветочный горшок и горестно вздохнула: — А что ж ей не сохнуть? Батареи так и жарят, так и жарят, значит, к весне опять угля в котельной не хватит, замерзать будем!..

Денис протянул руку и осторожно коснулся ладонью радиатора отопления. Права тетя Клава, ох права! Ладонь не терпит! Он посмотрел на тшедушного начальника коммунального хозяйства, который все совещание сидел, уткнувшись носом в ворот толстого, домашней вязки свитера, а во время своего двадцатиминутного отчета о готовности коммунальщиков к зиме больше сморкался и откашливался в носовой платок, и понял, что батареи будут жарить, похоже, еще с недельку, до полной ликвидации простуды и связанного с ней озноба у хлипкого коммунального начальства.

До обеденного перерыва оставалось уже совсем ничего, а подполковник так и не придумал убедительной причины, по какой ему надлежало в скорейшем времени исчезнуть с совещания. Он взглянул на Надымова, тот немедленно и мило улыбнулся ему, а Федюнин закричал, завопил на своем стуле, потом привстал и недовольно во весь голос произнес: «Господи! Духота какая! Неужто нельзя форточку открыть?»

Никто из присутствующих на совещании не успел отреагировать на реплику редактора должным образом, тем более открыть злополучную форточку, потому как из-за

дверей кабинета донесся поначалу непонятный гвалт, затем более понятный грохот: кажется, кто-то отбросил в сторону стул. Но раздавшийся вслед за этим визгливый вскрик, а потом не менее громкий плаксивый речитатив любимой секретарши Кубышкина Верунчика подтвердил, что вместо стула, а вернее, вместе со стулом в сторону отлетела и сама Верунчик, стойко сдерживающая нахальных односельчан, извечно игнорирующих часы приема по личным вопросам и мешающих проводить совещания и заседания районного начальства. В довершение этого под дверями главы администрации послышался совсем уж непотребный шум и шипение, словно стая диких кошек принялась выяснять отношения.

В следующее мгновение двери распахнулись и на пороге появилась неизвестная Барсукову девица с короткой, почти как у самого подполковника милиции, стрижкой, раскрасневшимися щеками, яростно блестящими глазами, одетая в распахнутый на груди, утепленный, военного образца бушлат с полуоторванным цигейковым воротником. В одной руке она держала песцовую ушанку, в другой — ножку от пострадавшего в схватке стула, а локтем пыталась отпихнуть секретаршу, ухватившуюся за нее мертвой хваткой бультерьера.

Верунчик силилась обойти девицу и перехватить инициативу, но та весьма успешно прижала ее бедром в пестрых камуфляжных брюках к дверному косяку и сердито приказала: «Верка, отвяжись!»

— Людмила! — ахнули одновременно директор заповедника Кочерян и глава администрации, а директор вскочил со своего стула и еще более растерянно добавил:

— Сейчас же покинь кабинет!

— Еще чего! Я сюда не для того пришла! — Девица резким движением сбросила с плеч бушлат, не глядя отправила за спину ушанку, следом последовала ножка стула. Верунчик только-только успела уклониться от летящих в ее сторону предметов одежды и остатков мебели, а неожиданная посетительница уже переступила порог, в два шага преодолела расстояние до Надымова и остановилась за его спиной.